

Память 18 марта (ст.стиль 05 марта)

Житие и страдание святого мученика Конона Исаврийского

Святой Апостол языков¹ Павел, во время одного из своих благовестнических путешествий², просветил жителей города Исаврии³ светом истинной веры в Господа нашего Иисуса Христа. В это же время в селении Вифании, находившемся в 18 стадиях⁴ от города Исаврии, жил один человек, по имени Нестор с женою Надою. У них родился сын Конон. Когда отрок вырос, родители задумали его женить и обручили его с красивою девицею Анной. Но еще раньше того Конону явился в виде светлого мужа святой Архистратиг Михаил. Научив Конона истинной вере, Архистратиг повёл Конона на реку, крестил его во имя Пресвятой Троицы, причастил Божественных Таин, а затем, осенив его крестным знамением, стал невидим. С того времени отрок исполнился Святого Духа, а Архистратиг Михаил невидимо всегда пребывал с ним. В день брака, жених с невестой, при общем веселии, были отведёны в брачной чертог. Здесь

Конон покрыл сосудом зажжённую свечу и спросил девицу:

- Что лучше тьма или свет?

Девица отвечала:

- Свет, конечно, лучше тьмы.

Тогда святой Конон открыл свои исполненные Божественной благодати уста и стал убеждать невесту сохранить свое девство и чистоту жизни и веровать во Христа, Истинного Бога.

- Это и есть, - говорил он, - свет немерцающий, а плотская жизнь и языческая нечестивая вера - тьма.

Девица имела доброе сердце, так что семена слова Божия пали на хорошую почву, и невеста скоро согласилась во всем со своим женихом. Она уверовала во Христа и дала обет сохранить навсегда свое девство. Так эта святая чета жила в девственной чистоте, как брат с сестрой, или, лучше сказать, как два Ангела Божии, подобно серафимам горя любовью к Богу и Ему Единому угождая. Прошло еще немного времени, и блаженному Конону удалось убедить и родителей своих оставить идолопоклонство и обратиться ко Христу. Конон крестил отца своего, мать и невесту, и все они, наставляемые и поучаемые святым Кононом, угождали Богу. Отец Конона, блаженной Нестор сподобился и мученического венца, быв умерщвлен идолопоклонниками за обличение их заблуждений. Спустя немного времени и мать святого, блаженная Нада с миром отошла ко Господу, а за нею и святая дева Анна, обрученница Конона, переселилась в нетленной чертог небесного жениха Христа. Всех их святой Конон предал честному погребению в одном месте.

Оставшись одиноким, Конон продолжал жить для Бога, упражняясь в Богомыслии, умерщвляя свое тело постом, трудами и всенощными молитвами. За свои подвиги он удостоился благодати Святого Духа, которая, как некое сокровище, долго таилась в нем и обнаружилась уже во время старости святого Конона. Это было так.

В той стране, в пустынном месте, в непроходимых горах была пещера, страшная и тёмная. В пещере было идольское капище, где стоял громадной каменной идол нечестивого

бога Аполлона⁵, которого особенно почитали в исаврийской стране. У исаврян был обычай ежегодно собираться там в день празднования Аполлону для жертвоприношения и совершения богомерзкого праздника. Когда наступил день этого праздника, и все жители города собрались идти в капище, находившееся в пещере, святой Конон, подвигнутой Духом Божиим, пришел в город. Увидав множество вооруженного народа, на конях, и пеших, как бы приготовившихся на сражение, он громким голосом закричал им:

- Мужа исаврийские, подождите немного, я хочу вам сказать слово. Зачем вы вооружены? разве на вашу страну напало внезапно неприятельское войско и вызывает вас на битву?

Народ отвечал Конону:

- Нет, но мы идем принести жертву богу Аполлону и совершить ему празднование.

Святой, Конон вновь спросил их:

- Я хочу узнать от вас, кто этот Аполлон, и какова его власть?

Люди отвечали:

- Он наш промыслитель, дарует нам все блага; он укреплял и наших отцов, от которых мы и приняли обычай праздновать ему.

Тогда святой, смеясь над ними, предложил им такой вопрос:

- Слышали ли вы когда-нибудь голос или какое-нибудь слово своего бога?

Они отвечали:

- Нет! Но наши отцы заповедали нам веровать в него.

Святой Конон на это сказал им:

- Ваши отцы, как бессловесные животные, сами находились в прельщении, не ведая Истинного Бога; ибо если бы они знали Его, то не оказывали бы такого почитания глухому, немому и скверному идолу. Дайте мне власть над вашим богом, и я покажу вам, кого вы почитаете, кто сей ваш бог. Если я вымажу его краскою, сможет ли он вымыться? если разобью его железным молотом, сможет ли он снова оказаться в целости? если дам ему есть, протянет ли он руку, чтобы взять пищу и начать есть?! Доколе вы будете безумствовать. Послушайте меня, ибо я из вашего же города, но чужд ваших дел; оставьте идолопоклонство, и я научу вас как надобно почитать Истинного Бога и поклоняться Седящему в вышних. Сей есть Бог невидимый, но всевидящий, Творец неба и земли и моря, и всего, что в них, Царь крепкий и всемогущий, спасающий рабов Своих и погубляющий Своих врагов, тех, кто покланяется идолам и приносит жертвы бесам. Сей Бог не требует кровавых жертвоприношений, но хочет, дабы приходящие к Нему познавали Его без злобы и лукавства и веровали, что Он есть Истинный Бог, Отец Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, не разлучающегося от Отца, Которой чрез Него сотворил веки; с Ними царствует и вечный Дух Св. от Отца исходящий. Сие три лица по существу Един Бог, пополюющий огнем ненавидящих Его идолослужителей, но любящий любящих Его; милосердию Его нет предела, ибо Он милостив ко всем возлагающим надежду на Него и с верою призывающим Его.

Народ пришел в волнение от этих речей святого, и среди него произошел большой шум: одни бросились на святого, чтобы его убить, другие их удерживали, не давая поднять на него рук, ибо желали услышать от него еще что-нибудь. Когда народное волнение несколько утихло, некоторые из народа спросили святого:

- Чем ты можешь убедить нас, что есть Бог выше нашего бога Аполлона, которого мы почитаем более всех других богов; покажи нам какое-нибудь знамение от твоего Бога, дабы мы уверовали в Него.

Святой Конон, услышав, что просят знамения, возложил свое упование на Бога и сказал народу:

- Вот, многие из вас на конях, и не мало пеших людей, молодых и сильных юношей. Пойдемте же все к пещере Аполлона, на место вашего собрания, вы впереди, а я, как старик, буду следовать за вами, и дадим друг другу слово, что кто из нас придет раньше, того Бог велик и истинен, и Ему и подобает веровать. Если одни из вас на конях, другие, сильные и

молодые, пешком опередите меня старого и слабого телом и достигнете прежде меня Аполлонова капища, то ваш бог по истине Бог. Если же я, старик, пешком скорее вас приду туда, то мой Бог больше вашего бога и вы должны будете уверовать в Него.

Все одобрили его речь и согласились и на предложенное им условие, говоря между собой:

- Этот старик в четыре дня не сможет дойти туда: путь далёк и неудобен, так как тянется среди высоких гор и глубоких долин, покрытых густым кустарником.

После того все поспешили к пещере, - одни надеясь на своих коней, другие - на свои ноги, - а святой Конон пошел за ними, двигаясь с трудом. Дорогою он горячо помолился Богу, и тотчас пред ним предстал святой Архистратиг Михаил, взял его и в одно мгновение перенёс на то место, куда все стремились. Людей же спешащих на конях и пешком Архангел невидимою силою привел в смятение, и они блуждали по горам и дебрям, и люди и кони падали с горных высот и разбивались, и весь день и всю ночь они не могли добраться до Аполлоновой пещеры и даже не были уверены, по тому ли пути они идут. Утром неожиданно для них вышел им навстречу святой Конон. Увидав его, народ пришел в великое изумление. Святой же, смеясь над ними, спросил:

- Отчего вы не могли придти скорее? я долго ждал вас и решил идти к вам навстречу.

Люди, сильно измученные, рассказали святому всё, что с ними случилось, и умоляли его показать им дорогу к Аполлонову капищу. Тогда святой Конон пошел впереди их и, приведя их к пещере, сказал им:

- Вот, я исполнил свое условие и пришел сюда прежде вас. Теперь вы должны признать, что мой Бог велик, и уверовать в Него, а вашего бога предайте в мои руки, и я воздам ему за то, что он до сих пор прельщал вас.

Но они кричали святому:

- Нет, не возлагай вины на нашего бога и не мсти ему: мы сами виноваты, что замедлили придти: мы заблудились в пути, и потому не могли исполнить условленного.

Такой ответ сильно разгневал святого и он сказал им:

- Если вы и теперь не уверовали в моего Бога, а продолжаете верить своему идолу, то исполните ли то, что он сам вам возвестит?

Они все отвечали:

- Если воистину мы услышим голос бога нашего, то немедленно исполним его слово, ибо без сомнения веруем в него.

И снова заключили со святым уговор и дали слово твёрже первого, что поверят всему, что скажет их бог. Тогда святой, ставши пред пещерой, где находилось капище Аполлона, громким голосом воззвал к идолу:

- Идол! тебе говорю: так повелевает Господь мой Иисус Христос, выйди из капища и приди сюда ко мне.

И тотчас бездушный истукан, как живой, закачался, упал с своего места и, катясь по земле, прикатился ко святому и, поднявшись с земли, стал пред ним. Все множество народа пришло в сильный ужас и с громкими криками устремилось в бегство. Святой Конон махал им рукою, уговаривал их не бояться и едва остановил их. Успокоив их, он снова обратился к идолу, и все стали внимательно смотреть, что еще произойдет. А святой стал спрашивать идола:

- Скажи нам, бездушный истукан, кто Истинной Бог, ты ли, или проповедуемый мною Господь мой Иисус Христос?

Тотчас каменный идол с трепетом простёр свои руки к небу и громко человеческим голосом произнес:

- Един Истинный Бог, проповедуемый тобою Христос.

Сказавши так, идол упал и рассыпался. Видя это чудо, весь народ воскликнул:

- Един Истинной Бог, Бог Конона: Он победил.

И множество народа уверовало во Христа и, разбивши идолов, приняло святое крещение. Иные же ожесточенные остались в прежнем неверии и сильно скорбели о гибели

Аполлонова идола. Но впоследствии, видя много различных чудес, совершаемых святым Кононом, уверовали во Христа и остальные язычники той земли.

В той же Исаврийской стране, в другой пещере, находившейся также в пустынном месте, обитал страшный бес. Он, как воин или разбойник, нападал на проходивших мимо людей и животных и умерщвлял их. Исавряне приносили ему множество жертв, умоляя его не делать им вреда и не умерщвлять их, но их мольбы не приносили им пользы, а служили еще к большей гибели. Тогда собралось множество людей, верующих и язычников, и они все вошли к святому Конону и усердно молили его, чтобы он прогнал беса из их страны. Верующие молили, нисколько не сомневаясь в силе Христовой, содействующей святому Конону; - язычники же коварно искушали святого Конона, ибо сами думали, что он не сможет изгнать свирепого беса, а напротив бес умертвит его. Снисходя к мольбам Исаврян, святой Конон отправился, сопровождаемый множеством народа. Он подошел к самой пещере, где обитал бес, народ же с трепетом стал в отдалении. Обратясь лицом к пещере, святой именем Христовым повелел нечистому духу войти из пещеры, в виду всего народа. Бес изнутри воззвал к святому, прося его, дабы он разрешил ему выйти невидимо, чтобы люди не видали его мерзкого образа. Но святой с угрозой повелел ему явиться пред всеми. Тогда бес на глазах у всего народа вышел из пещеры, в виде страшной трясущейся женщины. Святой, запретив бесу причинять кому-либо вред, отослал его в геенну⁶. Тотчас бес сделался невидим, а весь народ воскликнул:

- Велик Бог Конона!

Множество язычников уверовало во Христа. А святой Конон довольно поучив народ вере в Истинного Бога, возвратился в город. Народ сопровождал его с радостным пением; святой сам начинал пение, а народ подпевал, прославляя Христа Истинного Бога. Возвратясь, святой Конон поселился в своем селе, в доме отца, совершая чудеса, исцеляя всякие болезни с верою приходящих к нему и изгоняя бесов, над которыми дана была ему от Бога власть.

Один из знатнейших жителей Исавии был обокраден ворами, которые унесли у него множество золота. Многие были оклеветаны в этом воровстве и преданы мучениям: невинных держали в оковах и в темницах, но золото не находилось. Тогда к святому Конону пришел тот, у кого украли, и родственники невинно оклеветанных и томившихся в заключении, и, припадая к ногам святого, молили, чтобы он просил Бога помочь найти украденное золото. Святой, сожалея об оклеветанных и страдающих невинно, согласился исполнить просьбу граждан. Он отправился в город. Здесь, ставши на площади, он поднял к небу свои руки и усердно молился Богу, до тех пор пока Бог не открыл ему, где спрятано украденное золото. Взявши многих из народа, святой Конон пошел с ними за город и, пройдя довольно большое расстояние по пустыне, подошел к одному камню. Под камнем оказалось скрытое ворами золото; святой Конон велел пришедшим с ним взять золото и отнести его в город. Весь Исаврийский народ сильно дивился и прославлял Бога. Когда же тот, у кого было украдено золото, пожелал узнать, кто были воры и спросил о сем Конона, то святой ответил ему:

- Возьми свое золото, и будь доволен тем, что оно возвращено тебе без ущерба, томящихся же в заключении освободи.

Тот так и поступил. Слух о сем чуде прошел по всей стране, многие обратились к Богу, и день от дня росла и умножалась Христова Церковь.

Спустя несколько времени, святой Конон, пребывая в своем доме в безмолвии, увидел множество бесов, ополчившихся на него. Все бесы, жившие на острове и изгнанные из людей и из идольских капищ, вооружились против святого. Увидав бесов, святой именем Иисусовым связал их, так что они не могли двигаться. Тогда бесы стали молить Конона, что бы он не посылал их в бездну, но пусть повелит им сделать, что ему угодно. Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим вспахивать нивы и сеять на них, иным стеречь плоды, кому пасти стада и охранять их от зверей, кому колоть

дрова и носить воду, и исполнять всякую домашнюю работу. Бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо связанные непобедимою силою Божией, они были порабощены Божью угоднику.

Случилось, что ночью на дом святого напали разбойники, надеясь найти у него богатую добычу, ибо он был славен по всей той стране.

Связав святого, разбойники хотели пытками заставить его указать место, где спрятано у него золото. Они уже начали его мучить, как вдруг, по повелению Божью, явились служащие святому бесы, схватили разбойников и немилосердно били их; потом развели огонь в печи и стали опалять их тела, а святого освободили из уз. Святой, смиростивившись над разбойниками, запретил бесам, и те прекратили истязания над разбойниками, которые были едва живы. По молитве святого, разбойники пришли в себя, и блаженный отпустил их с миром, дав им заповедь оставить свои разбои. Бесы не только освободили святого Конона от разбойников, но по Божию произволению даже оберегали честь его имени. Ибо если кто-либо из неверующих исаврян дерзал хулить Конона, тотчас на таковых невидимо нападали бесы, и били, так что имя Конона для всех стало предметом почитания и страха. Однажды двое идолопоклонников вспомнили о Кононе и стали поносить его дурными словами. Тотчас же на них напали бесы, били их, протащили по дороге за волосы и повергли хулителей к ногам святого. После того у всех неверующих страх пред Кононом так

был силен, что они не дерзали даже помыслить что-нибудь худое про святого Конона. Однажды какой-то человек проник в сад Конона, с намерением украсть яблоки. Но невидимые стражи схватили его, избili и вместе с ослом и мешком, наполненным плодами, привели к святому. Святой дал ему наставление и, заповедав более не красть, отпустил с миром.

Одна бедная вдова, во время жатвы, пришла на поле и ходила за жнецами, подбирая оставшиеся колосья. На руках у ней был малолетний единственной её сын. Вдруг выбежал из леса волк, выхватил ребенка из рук матери и унёс его в пустыню. Народ погнался за ним, но догнать волка и освободить дитя из его пасти не мог. Огорчённая женщина пришла к святому чудотворцу Конону, плакала и, припадая к ногам его, поведала ему свою горе. Он тотчас дал повеление своим невидимым рабам и те в одно мгновение схватили волка, державшего ребёнка в зубах, и поставили пред святым. Святой возвратил матери её сына живым и невредимым, а волку велел уйти в свое место.

Не все бесы были, однако, связаны словом святого; и вот некоторые из них начали наводить на жителей той страны различные болезни, а всего больше оспу. Святой, уразумев козни бесовские, помолился Богу и тотчас получил власть и над этими бесами. Собрав их всех, он запретил им, и одних прогнал в пустыню, других отослал в бездну, а иных связал и заключил в тридцати залитых оловом глиняных горшках, и, запечатлев их крестным знаменем, зарыл в землю под своим домом.

В то время настало гонение на христиан, и в Исаврию прибыл с царским указом воевода, по имени Магдон. Воевода прежде всего замучил до смерти святого Онисия в селе Усорове. Потом был взят и святой Конон. Его подвергли многим и жестоким мучениям, принуждая принести жертву идолам. Исавряне, услышав, что воевода предал мукам святого Конона, собрались во множестве с оружием и отправились к селению Усорову, чтобы умертвить воеводу. Узнав о их намерении, воевода с своими слугами сел на коней и бежал из пределов той страны. Исавряне гнались за ним, но не могли догнать его. Найдя святого мученика Конона связанным и покрытого ранами по всему телу и окровавленного, они развязали его и плакали о нем. Отирая его кровь, они мазали ею свои тела, желая получить освящение от крови святого, и с умилением лобызали язвы, принятые им за Христа. Святой мученик сильно скорбел и болел душою, что ему не дали пострадать до конца, ибо он желал умереть в мучениях за своего Христа. После сего верующие отвели святого в его отеческий дом, в селе Вифании, и приложили все заботы, чтобы излечить его раны. Через два года после страданий, святой Конон преставился к Богу. Жители всей Исаврийской страны собрались

и плакали о святом. Его погребли вместе с блаженными родителями и со святою его невестою, до конца жизни сохранившею непорочное свое девство. После погребения святого Конона Исавряне задумали обратить дом мученика в церковь. Когда начали рыть землю для фундамента, то нашли в земле тридцать глиняных сосудов, в коих святой Конон заключил бесов. Не зная, что находится в тех сосудах, но предполагая скрытое в них золото или серебро, нашедшие обрадовались и разбили один сосуд. Тотчас вышли из него бесы в виде густого и смрадного дыма и, помрачив воздух, произвели страшный вихрь. Все люди пришли в ужас, - некоторые попадали от страха, а некоторые бежали оттуда. Бесы же летали по воздуху и, производя большой шум, призывали друг друга по именам. Все в том селении пришли в сильный ужас, так что никто не осмеливался после солнечного заката выходить из своего дома, ибо ночью являлись многие бесовские страшилища и пугали людей и животных, - что на время было допущено Богом в наказание сребролюбивым людям, ожидавшим найти в сосудах сокровище. По молитвам святого Конона, были прогнаны бесовские привидения. Прочие двадцать девять сосудов, заключающие в себе бесов, были зарыты под церковью святого Конона. Его святыми молитвами да пребудем и мы всегда невредимы от бесов, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице, во веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Чистотою яко ангел на земли пожив, отонудуже собеседник ангелом быти сподобился еси, и родители ко Христову познанию привел еси, и единого Бога в Троице исповедав, пострадал еси до крове мучениче Кононе, моли его непрестанно о всех нас.

1 Святому Апостолу Павлу усвоено название "Апостола языков" за его великие проповеднические труды, во время которых он пронёс Евангелие от глубины Азии до Рима и даже, по преданию, до Испании и Британии.
2 После своего обращения из гонителя христиан в самоотверженного последователя Христова, святой Апостол Павел всю жизнь свою провел в миссионерских трудах. Свое первое путешествие с проповедью Евангелия Апостол начал из Антиохии, где он вместе с Варнавою был вызван на великое дело благовестия Святым Духом (*Деян. 13:1-3*): взяв с собою Иоанна Марка, Апостолы, посетив Кипр, пришли в Малую Азию, и здесь, в Антиохии Писидийской, в Иконии и Ликаонских городах Листре и Дервии многих просветили учением Христовым, подвергаясь непрерывным гонениям со стороны иудеев (*Деян. 13:4:52; гл. 14*). Второе путешествие святой Ап. Павед предпринял вместе с Силою после апостольского собора (51 г.) в Иерусалиме (*Деян. гл. 15*): посетив основанные ранее церкви, Ап. Павел с успехом проповедывал в Македонии и Греции, основав знаменитые церкви в Филиппах, Солуне, Берии, Афинах и Коринфе; в последнем он пробыл полтора года. (*Деян. 15:36-41; гл. 16 17 и 18*). Третье путешествие Ап. опять начал из Антиохии: снова посетив устроенные им церкви, Ап. прибыл в Ефес, где проповедывал более 2 лет; затем он опять прошел Македонию и Грецию и возвратился в Иерусалим. Здесь был схвачен и после двухлетнего томления под стражей в Кесарии отправлен был в Рим, где жил два года, невозбранно проповедуя Царствие Божие (*Деян. гл. 18-22*). Предание говорит, что Ап., оправдавшись пред судом Кесаря, снова отправился в четвёртое путешествие с проповедью Евангелия, дойдя до границ Запада (Евсевий и Климент Римский) и, по вторичных узах в Риме, мученически скончался в царствование Нерона.

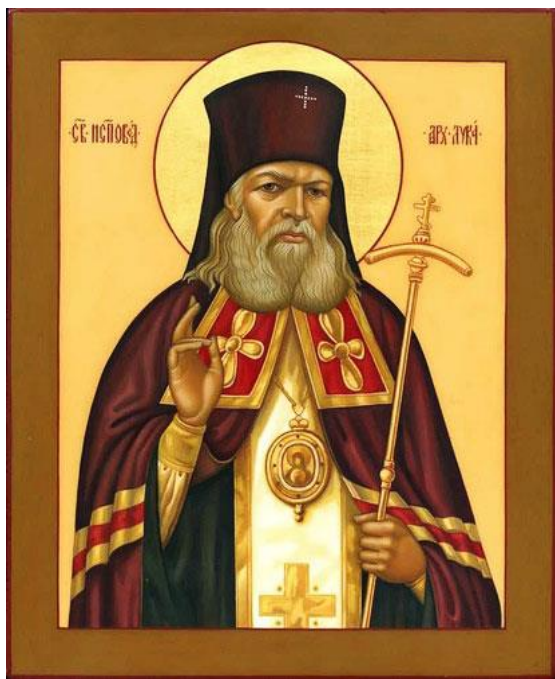
3 Исаврия - небольшая скрытая в горах местность древней Малой Азии, граничившая на восток с Ликаонией, на север с частью Фригии, на запад с Писидиею и на юг о гористой Киликиєю.

4 Стадия - древняя мера расстояния около 80 или немного более сажени.

5 Аполлон - бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии, музыки, - богом прорицателем, врачевателем болезней и хранителем гражданского порядка.

6 Геенна - есть греческое воспроизведение еврейского слова, означающего: *долина Еннома* или "сынов Еннома"; под этой долиной разумеется глубокая, узкая горловина, где иудеи некогда приносили своих детей в жертву Молоху (*4Цар.24:10; Иерем.7:11*). В позднейшие времена она служила местом свалки для всякого рода нечистот, причем для уничтожения последних здесь постоянно поддерживался огонь: поэтому долина Еннома сделалась символом места вечных мучений. В этом именно смысле, в смысле *ада*, и употребляется слово геенна в Новом Завете (*Мф. 5:24-40; 10:28; 18:9; 23:15; Лк. 9:43, 45; Лк. 12:5; Иак.3:6*).

Обретение мощей свт. Луки (Войно-Ясенецкого), исп., архиепископа Симферопольского и Крымского (1996)

Дни памяти

- 8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской
- 18 марта - Обретение мощей
- 5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых
- 11 июня - Собор святых Красноярской митрополии
- 1 августа - Собор Курских святых
- 1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии
- 28 декабря - Собор Крымских святых

Предисловие

История нашей страны знает множество людей, послуживших ее становлению, возвеличивая ее как святую Русь. Но где она, святая Русь? И можем ли мы назвать так современную Россию? Вопрос непростой, но ответ на него, как видится, лежит вне физических законов и исторических рамок. Святая Русь – это вневременное устройство. Это сонм святых, живших на Руси во все века и сохранявших верность Господу. К великому сонму святых, явленных и неявленных, в тяжелейшем для Церкви XX веке присоединился целый собор новомучеников и исповедников Российских.

И среди них мы видим величественную фигуру святителя Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого; 1877–1961) – ученого с мировым именем, профессора хирургии и топографической анатомии, одного из основателей регионарной анестезии и гнойной хирургии.

В течение многих лет Валентин Феликсович работал земским врачом в самых разных частях России – от юга родины до самых крайних точек на севере страны. В самый разгар антирелигиозной пропаганды профессор, главный врач большой больницы города Ташкента, хирург принимает священный сан. «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: "Не могу молчать!"». И я чувствовал, что мой долг – защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому», – вспоминает он.

В 1923 году отец Валентин (Войно-Ясенецкий) принял монашеский постриг с именем Лука и был рукоположен во епископа. В сане епископа за исповедание православной веры прошел тернистый путь лагерей, принимал участие в Великой Отечественной войне, в 1946 году возведен в сан архиепископа, награжден правом ношения бриллиантового креста на клобуке. За выдающиеся научные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях крупных суставов» был награжден Сталинской премией I

степени, а за участие в Великой Отечественной войне медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Практически до последних дней святитель Лука сочетал епископское служение с хирургической практикой. В 1995 году он был причислен к лику святых Украинской Православной Церкви, в 1999 году – к лику святых Красноярской епархии. В 2000 году – к лику святых Русской Православной Церкви.

Детство и юность

27 апреля 1877 года в городе Керчи в семье провизора Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и его жены Марии Дмитриевны родился третий сын Валентин. Всего же в семье Войно-Ясенецких было пятеро детей: Павел, Ольга, Валентин, Владимир и Виктория. Отец был благочестивым католиком и держался несколько отстраненно от остальной, воспитанной в православном духе, части семьи. Искренние молитвы родителей Валентин наблюдал с раннего детства, что, несомненно, повлияло на формирование его мировоззрения.

Сам он вспоминал об этом так: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома...», «Мать усердно молилась дома» и далее: «Если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял...». Мальчик рос в атмосфере христианской любви и послушания. С детства он отличался спокойным и твердым характером, рано проявил художественные наклонности, окончил одновременно гимназию и художественную школу и стал готовиться к экзаменам в Академию художеств.

По окончании гимназии восемнадцатилетнему Валентину был подарен Новый Завет. Вот как вспоминает об этом святитель в мемуарах: «Правильное представление о Христовом учении я... вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, я получил от директора гимназии при вручении мне аттестата зрелости как напутствие в жизнь. Очень многие места этой Святой Книги, сохранявшейся у меня десятки лет, произвели на меня глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом. Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою (Мф.9:37). У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: "О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!". Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Готовясь стать художником, Войно-Ясенецкий увлеченно занимался рисованием, но, в отличие от своих товарищей по зарисовкам, он выбирал не пейзажи окрестностей Киева и не жанровые сцены. Валентина влекла духовная сторона жизни: «В это время впервые проявилась моя религиозность. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы

не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью».

Однако во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств юношей овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он избирает: «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей», – вспоминал святитель.

Подобный выбор пути – помощь и просвещение народа – соответствовал распространенным в то время в среде русской интеллигенции народническим идеям. Часто народничество связывалось с толстовством. Но от толстовства Валентина оттолкнул сам Толстой брошюрой «В чем моя вера?». Святитель вспоминал об этом так: «Однако мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение "В чем моя вера?", резко оттолкнувшее меня издевательством над православной верой. Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий от подлинного христианства. И хоть увлечение толстовством безвозвратно ушло, но осталось искреннее желание послужить своему народу, чтобы облегчить его страдания».

По мнению Валентина, полезной для страдающих людей была медицина, так как именно в медицинской помощи особенно нуждалась российская глубинка. Но осуществить свое решение и начать учебу на медицинском факультете Валентину Войно-Ясенецкому удастся не сразу: еще год он проучился в художественной школе в Мюнхене, затем (в 1897–1898 годах) на юридическом факультете Киевского университета.

В 1898 году он поступает на медицинский факультет. Учился Валентин на одни пятерки и резко выделялся среди студентов превосходно выполненными препаратами трупов: «Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии... мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвертом и пятом курсах он увлекся глазными болезнями. Из массы студентов его выделяли высокие моральные требования к себе и другим, чуткость к чужому страданию и боли, открытый протест против насилия и несправедливости. Можно сказать, что первая проповедь будущего святителя была произнесена в университете на 3-м курсе. В один из дней перед лекциями Войно-Ясенецкий узнал, что в пылу спора его сокурсник ударил другого студента по лицу, и это, кроме того, было окрашено национальными красками: «...перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу – поляк – ударил по щеке другого товарища – еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все примолкли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды. Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой».

После блестяще сданных выпускных экзаменов и получения диплома с отличием Валентин страшно обескуражил сокурсников заявлением, что его жизненный путь – это путь земского врача. «"Как, Вы будете земским врачом? Ведь Вы ученый по призванию!" – воскликнули коллеги. Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским – мужицким врачом, помогать бедным людям», – писал в мемуарах святитель Лука.

Начало профессиональной деятельности

Но сразу земским врачом Войно-Ясенецкому стать не пришлось: в 1904 году в качестве добровольца он был направлен в госпиталь Красного Креста под Читой, где в лазарете на 200 коек его назначили заведующим хирургическим баракком. Уже в первые месяцы практической работы проявился его твердый, волевой характер и высокий профессионализм, об этом времени святитель вспоминал так: «...не имея специальной

подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими...». Там же он женился на сестре милосердия Анне Ланской, которая покорила хирурга «исключительной добротой и кротостью характера».

Много жизней спас военно-полевой хирург Войно-Ясенецкий. Один из раненых офицеров в знак благодарности за спасенную жизнь пригласил после войны Валентина Феликсовича с молодой женой Анной жить и работать у него на родине, в Симбирске. Приглашение было принято. Это одна из версий, почему молодой врач приехал именно в Симбирскую губернию. Но по другой версии, представленной народным врачом СССР В.С. Поросенковым, Войно-Ясенецкому посоветовали ехать именно туда ученые с мировым именем Филатовы, родом симбирские.

К моменту приезда В.Ф. Войно-Ясенецкого местная больница, по меркам того времени, относилась к разряду средних. Кроме амбулатории, у нее был стационар на 35 коек. Работа земского врача мало отличалась от работы военно-полевого хирурга: 14–16-часовой рабочий день, те же стоны и страдания измученных болезнью людей. Разница лишь в том, что единственному врачу приходилось быть и акушером, и педиатром, и терапевтом, и окулистом, и хирургом... «Я поступил врачом в Ардатовское земство Симбирской губернии. Там мне пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии», – вспоминает Войно-Ясенецкий.

Хорошей помощницей ему была жена, Анна Васильевна. Все трудные земские годы Анна Васильевна не только вела дом, но и профессионально помогала мужу. Причиной непродолжительной деятельности в Ардатове (всего 10 месяцев) стала неудовлетворенность одаренного врача от работы с неквалифицированным медицинским персоналом. Эта проблема была во всех земских больницах того времени; при сложных хирургических случаях непрофессионально выполненный общий наркоз часто приводил к смертельным исходам. Яркий случай был описан хирургом Войно-Ясенецким в истории болезни ардатовского периода в июле 1905 года. В амбулаторию ардатовской больницы обратился старик огромного роста и богатырского сложения – карбункул нижней губы. Срочная операция под наркозом была проведена успешно, но спасти больного не удалось. О выводах из подобных клинических случаев сам святитель вспоминал так: «Надо отметить, что в ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости по возможности шире заменять его местной анестезией». Впоследствии хирург Войно-Ясенецкий значительно развил и усовершенствовал один из основных методов местной анестезии – регионарную, или проводниковую, анестезию, при которой путем укола в соответствующий нерв или нервный узел удается обезболить целую область, на которой производится оперативное вмешательство.

В наши годы в Ардатове на здании районной больницы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь работал великий хирург, а в ардатовской Никольской церкви представлены для поклонения частицы святых мощей владыки.

Курская губерния

В ноябре 1905 года Валентин Феликсович переехал в деревню Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии, где заведовал маленькой участковой больницей на 10 коек. Помимо этого молодой врач принимал участие в обсуждении целого ряда вопросов, связанных с его земством, в которое входило еще несколько сел и деревень: возвращение с воинской службы земских врачей, созыв съезда врачей, постройка заразных барачков в сельских больницах, посещение школ врачами. Ему также поручили устройство ясель в населенных пунктах и деревнях на его участке. После санитарных советов Валентин

Феликсович возвращался домой только к вечеру и сразу же ехал в больницу оперировать. «...В маленькой участковой больнице на десять коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон, и из других уездов Курской губернии, и соседней, Орловской», — вспоминает свои будни святитель. В то время была широко распространена трахома глаз, лишавшая зрения тысячи людей. Валентин Феликсович возвращал им возможность видеть. В своей автобиографии он приводит по этому поводу следующий курьезный случай: «...молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Сам святитель так подвел итог своей работы в любажской больнице: «Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил».

В период работы в Курской области (с 1905 по 1908 год) хирург Войно-Ясенецкий выполнил более 1500 сложнейших операций, обобщил ряд хирургических случаев и опубликовал свои первые научные статьи: «Невроматозный элифантиаз лица, плексиформная неврома», а также «Ретроградное ущемление при грыже кишечной петли». В 1907 году Валентин Феликсович был переведен в Фатеж, где заведовал более крупной больницей на 60 коек, и проработал там недолго. Именно в Фатеже в семье родился первенец – сын Михаил. Известно, что в это время святитель посещал Глинскую Рождество-Богородицкую и Коренную общежительную пустынь, где имел долгие беседы с настоятелем пустыни игуменом Исаией. Настоятель показывал ему монастырскую больницу, аптеку с запасом медикаментов и хирургических инструментов.

Из Фатежа Войно-Ясенецкие переехали в начале 1908 года на Украину в город Золотоношу. Там в семье родился второй ребенок – дочка Елена. О работе в этом городе Войно-Ясенецкого в качестве врача в амбулатории нет никаких сведений, но известно, что в августе 1908 года, оставив семью на Украине, Валентин Феликсович едет в Москву. Поездка туда была мотивирована научным интересом Войно-Ясенецкого: во время работы в земствах перед ним остро встала проблема операций под местным наркозом, повлияла и новая в то время книга немецкого профессора Г. Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Святитель вспоминал: «Я с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой весьма недавно были опубликованы. Я запомнил, между прочим, что осуществление регионарной анестезии седалищного нерва Браун считает едва ли возможным. У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее». И вот в сентябре 1908 года Войно-Ясенецкий поступает в экстернатуру при Московской хирургической клинике известного профессора – хирурга П.И. Дьяконова.

Оказалось, что профессор Дьяконов ничего не слышал и не знает об этой теме, но с радостью одобрил работу над ней Валентина Феликсовича. В результате кропотливой и упорной работы появились ценные научные результаты. Но финансовые трудности

заставили прервать научную работу и продолжить практическую хирургию в земствах. Семья Войно-Ясенецких отправилась в Саратовскую губернию.

В 1909 году Валентин Феликсович уехал в село Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Здесь он принял больницу на 25 коек. Участок Романовской волости был самым большим в губернии, соответственно этому рост числа заболеваний и госпитализированных больных был значительно выше, чем в других волостях. Молодой и энергичный главврач был единственным хирургом в больнице. На собственные средства он купил микроскоп и после операций готовил и исследовал препараты тканей. В районных больницах этим будут заниматься уже в послевоенные годы; В.Ф. Войно-Ясенецкий делал это в 1909 году.

Переяславль-Залесский

В 1909 году Войно-Ясенецкий становится главным врачом городской больницы в Переяславле-Залесском, где на 30 койках без электричества, водопровода, рентгеновского аппарата ему удается за год выполнить более 1000 стационарных и амбулаторных операций (такой объем работ выполняют сейчас за год бригады из шести-семи хирургов; при этом для оказания подобной широты операционной помощи понадобятся врачи не менее шести или семи хирургических специальностей). С 1913 года здесь же он начинает заведовать госпиталем для раненых, проводя самые сложные хирургические вмешательства.

В годы Первой мировой войны В.Ф. Войно-Ясенецкий оперировал не только гражданских больных, но и военных, в том числе и раненых пленных. В связи с условиями военного времени в 1914 году больница работала напряженно. «В течение года поступило 1464 больных, 74 из них умерло, 22 после хирургических операций, 52 в терапевтическом отделении. Всего 5 % летальности — это небольшой процент, учитывая военное время. Число коек в больнице увеличилось в 1914 году до 84, вследствие открытия заразного лазарета на 16 коек для раненых, поступивших с театра военных действий», — вспоминает Валентин Феликсович. Несомненно, В.Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осязания и талант художника. Очевидцы рассказывают, что действия его как хирурга были необыкновенно точны, соразмерны и виртуозны. «Тончайшее чувство осязания, очевидно, было врожденным у отца. Он как-то, беседуя с нами, его детьми, на эту тему, решил доказать нам это "на деле". Сложил десять листков тонкой белой бумаги, а затем попросил давать задания: одним взмахом острого (это было обязательным условием!) скальпеля разрезать любое количество листков. Опыт оказался весьма удачным. Мы были поражены!» — позднее рассказывал его сын Михаил.

Из медицинских отчетов того времени видно, что часто услугами хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого пользовались семьи священников, а также насельники переяславских монастырей и монахини Федоровского монастыря, стоящего недалеко от земской больницы.

Продолжает святитель трудиться и над разработкой нового метода местного обезболивания. В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В.Ф. Войно-Ясенецкого вышла в свет, а в 1916 году автор защитил ее как диссертацию на степень доктора медицины. Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев. После блестящей защиты докторской диссертации ему было присвоено звание доктора медицины и вручена награда Варшавского университета за лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине. И книга, и диссертация получили высочайшие оценки. Известный ученый профессор Мартынов в официальном отзыве как оппонент писал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее». В диссертацию «Регионарная анестезия» были включены отчеты

о деятельности Переяславской земской больницы, отличные иллюстрации и фотографии (фотографированием святитель начал увлекаться в Переяславле).

Занимаясь исследованием и внедрением в практику регионарной анестезии, Валентин Феликсович в это же время задумал изложить свой опыт работы в книге, которую решил озаглавить как «Очерки гнойной хирургии». Вот что вспоминает об этом сам святитель: «...в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге — "Очерки гнойной хирургии". Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа". Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу уже когда мы во чреве матери. Как увидите дальше, уже через несколько лет стала полной реальностью моя неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа"».

В Переяславле-Залесском в 2001 году в память о деятельности В.Ф. Войно-Ясенецкого на здании переславской больницы была открыта мемориальная доска: «Здесь, в бывшей земской больнице, в 1910–1916 гг. работал главным врачом и хирургом профессор медицины святитель Лука, архиепископ Крымский (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) 27.04.1877–11.06.1961».

Туркестан

Переехать в Среднюю Азию, в сухой жаркий климат, семью Войно-Ясенецких заставила болезнь Анны Васильевны. Супруга Валентина Феликсовича еще в Переяславле-Залесском заразилась туберкулезом легких. В Ташкенте ее состояние несколько улучшилось. Шел трагический для всего русского народа семнадцатый год, Гражданская война была в самом разгаре, бушевала она и в Туркестане. В это время Ташкентская городская больница на 1000 коек, куда был назначен главным врачом Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, очень напоминала земскую: такая же бедность во всем, плохие железные кровати, забитые больными палаты и коридоры. Профессор Ошанин, коллега Валентина Феликсовича, вспоминал, что на улицах Ташкента тогда было далеко не безопасно, нередки были перестрелки. Кто, в кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно — но жертвы были. Раненых привозили в больницу, и Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на операции. При этом никто и никогда не видел его раздраженным или недовольным. Случалось, раненые поступали один за другим, и он всю ночь оперировал. По свидетельству медицинского персонала, в операционной Валентин Феликсович никогда не повышал голос, говорил спокойно, ровно. С таким хирургом было хорошо работать всем: и ассистентам, и медицинским сестрам.

В 1919 году в Ташкенте было жестоко подавлено восстание против новой власти Туркменского полка, началась расправа с участниками контрреволюции. По ложному доносу Войно-Ясенецкий оказался в их числе и провел под арестом сутки. Для многих арест закончился расстрелом. Валентина Феликсовича отпустили, но его жена пережила тяжелое нервное потрясение. Это пагубно сказалось на ее здоровье. Болезнь прогрессировала, и вскоре Анна Васильевна умерла, оставив четверых детей, из которых старшему было двенадцать лет, а младшему — шесть.

В молитве над усопшей женой Валентин Феликсович получил откровение об устройении своих детей в жизни. Вот как он сам вспоминал об этом: «Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Велецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: неплодную вселяет в дом

матерью, радующеюся о детях (Пс.112:9), – я без сомнения принял как Божие указание возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их». София Сергеевна Велецкая долго жила в семье Войно-Ясенецких, в семье младшего сына святителя Луки, – вплоть до самой своей смерти. Но, как говорил сам архиепископ Лука, «она была только второй матерью для детей, ибо Всевышнему Богу известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым». На могиле же Анны Васильевны был поставлен крест, на котором Валентин Феликсович собственной рукой написал: «Чистая сердцем, алчущая и жаждущая правды...».

Осенью 1920 года открылся Ташкентский университет, одним из инициаторов его открытия стал Валентин Феликсович. Профессор Войно-Ясенецкий возглавил кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Он вспоминал об этом так: «Большинство кафедр было замещено избранными из числа ташкентских докторов медицины, и только я один был почему-то избран в Москве на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии».

«Доктор, вам надо быть священником...»

При всей своей загруженности главврача и практикующего хирурга Ташкентской городской больницы, заведующего кафедрой медицинского университета Валентин Феликсович проявлял себя как сознательный и активный член Церкви, болеющий душой за ее судьбы. «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы. Видный протоиерей Михаил Андреев, настоятель приокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы. Я, конечно, не знал, что они будут только началом моей огромной проповеднической работы в будущем», – вспоминал святитель Лука.

На одном из епархиальных съездов Валентин Феликсович выступил с продолжительной и горячей речью. Это стало одним из решающих моментов в его жизни: «Когда кончился съезд и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Мы обошли два раза вокруг собора, Преосвященный говорил, что моя речь произвела большое впечатление, и, неожиданно остановившись, сказал мне: "Доктор, вам надо быть священником!" ... У меня никогда не было и мысли о священстве, но слова преосвященного Иннокентия принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: "Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!"... Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я в сопровождении двух диаконов вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время литургии – и в сан диакона... Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием». Наряду со священническим служением отец Валентин Войно-Ясенецкий по-прежнему оперировал и преподавал на кафедре в медицинском университете. «Мне пришлось совмещать свое священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди: в то время еще было возможно невозможное теперь. Я оставался и главным хирургом Ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям. Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он

сказал мне словами апостола Павла: "Ваше дело не крестити, а благовестити"» (ср.: 1Кор.1:17), – вспоминал он.

Принятие сана произвело огромную сенсацию в Ташкенте, а сам Войно-Ясенецкий говорил о причинах, побудивших его к началу служения Церкви, так: «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: "Не могу молчать!". И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому».

Промысл Божий поставил отца Валентина в это тяжелое и смутное время защитником христианства. Немой проповедью было и то, что лекции в Ташкентском университете он читал неизменно в рясе и с крестом на груди. Кроме проповеди за богослужением, он проводил беседы каждый воскресный день после вечерни в соборе, и это были, как вспоминал сам святитель, «долгие беседы на важные и трудные богословские темы, привлекавшие много слушателей, целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма».

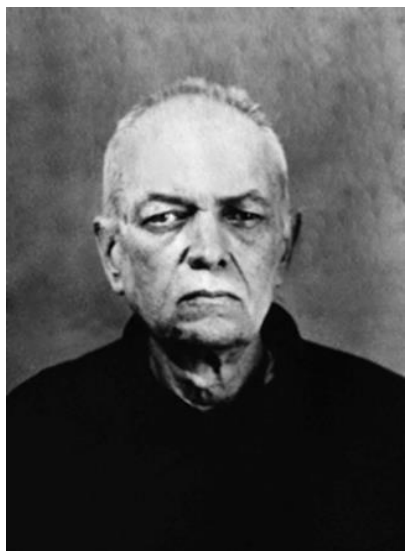
В 1921–1923 годах власти и «живоцерковники», созданные как раскол внутри самой Церкви, устраивали в Ташкенте специальные диспуты с целью атеистической пропаганды. У отца Валентина Войно-Ясенецкого не было специального богословского образования, но его огромная эрудиция, искренняя вера в Бога и знание учения отцов Церкви позволяло одерживать блестящие победы в многочисленных дискуссиях и диспутах. Верующие, да и неверующие всегда были на его стороне. Он сам вспоминал об этом так: «...мне приходилось в течение двух лет часто вести публичные диспуты при множестве слушателей с отрeksiвшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии.

Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: "Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?". Несчастный хулитель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от "этого философа" ... Однажды, неведомо для него, железнодорожники пригласили меня в свой клуб для участия в диспуте о религии. В ожидании начала диспута я сидел на сцене при опущенном занавесе и вдруг вижу – поднимается на сцену по лестнице мой всегдашний противник. Увидев меня, крайне смутился, пробормотал: "Опять этот доктор", поклонился и пошел вниз. Первым говорил на диспуте он, но, как всегда, мое выступление совершенно разбило все его доводы, и рабочие наградили меня громкими аплодисментами». Отец Валентин Войно-Ясенецкий готов был мужественно отстаивать свою веру перед всеми, в том числе и перед представителями безбожной власти. Пример этого можно найти в его автобиографии, когда он выступал в качестве защитника в так называемом «деле врачей», сфабрикованном властями. «"Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы его видели, своего Бога?" – спрашивал чекист Петерс. "Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель, – отвечал отец Валентин. – Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил". (Колокольчик председателя потонул в долго не смолкавшем хохоте всего зала.)».

Исповедничество

Церковная жизнь в Ташкенте постепенно ухудшалась. Это было связано с тем, что обновленцы, пользуясь поддержкой ОГПУ, захватывали храмы, изменяя богослужения и весь строй церковной жизни. Отец Валентин Войно-Ясенецкий бесстрашно призывал свою паству не впадать в самый большой грех – раскола и ереси. После отъезда из города правящего архиерея народ единодушно избрал отца Валентина его преемником, и 31 мая 1923 года Войно-Ясенецкий, принявший монашеский постриг с именем апостола Луки,

стал епископом. Вот как вспоминал свою первую архиерейскую службу святитель Лука: «На воскресенье, 21 мая, день памяти равноапостольных Константина и Елены, я назначил свою первую архиерейскую службу. Преосвященный Иннокентий уже уехал. Все священники кафедрального собора разбежались, как крысы с тонущего корабля, и свою первую воскресную всенощную и литургию я мог служить только с одним протоиереем Михаилом Андреевым. ...На моей первой службе в алтаре присутствовал преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было».

Реакция власти на появление в Туркестане правящего архиерея, который был знаменитым хирургом, профессором и ученым, не замедлила проявиться. Сразу же стали приниматься меры по дискредитации епископа в официальной печати, содержащие ясный призыв к властям – возбудить уголовное дело против Войно-Ясенецкого. 10 июня 1923 года епископ Лука был арестован. Вот как он сам вспоминал свой первый арест: «Я спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, я читал правило ко Причащению Святых Тайн. В 11 часов вечера – стук в наружную дверь, обыск и первый мой арест. Я простился с детьми и Софией Сергеевной и в первый раз вошел в "черный ворон", как называли автомобиль ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам моих тюрем и ссылок».

В тюремной камере в Ташкенте святитель пишет завещание своей пастве, в котором предостерегает от молитвенного общения с раскольниками-обновленцами и их епископом, которого он называет диким вепрем: «Внешностью богослужения, творенного вепрем, не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученными Богом от храмов и ввергнутыми в голод слышания слова Божия». Завещание было передано на волю одним верующим работником тюрьмы. Оно быстро разошлось среди паствы святителя Луки, и храмы, где служили раскольники, опустели.

Во время пребывания в тюрьме святитель закончил последнюю главу книги «Очерки гнойной хирургии», над которой он трудился более 20 лет, называемую «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его». Вот что вспоминает сам святитель: «Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе я написал: "Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии". Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переяславле-Залесском несколько лет назад: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа"».

«Очерки гнойной хирургии» были изданы четырежды: в 1934-м, 1946-м, 1956-м и 2000 годах. В предисловии к первому изданию епископ Лука писал, что эта книга подводит итог его многолетним наблюдениям в области гнойной хирургии.

Аресты и ссылки

После длительного следствия мерой наказания для святителя Луки определили ссылку в город Енисейск Красноярского края. Туда его отправили в начале зимы 1923 года. В Енисейске на квартире святитель Лука и другие ссыльные священнослужители совершали по воскресеньям и другим праздничным дням всенощное бдение и литургию. Вот что

вспоминает об одной такой службе святитель: «В один из праздничных дней я вошел в гостиную, чтобы начать литургию, и неожиданно увидел стоявшего у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел при виде меня и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на мой вопрос, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за триста к югу от Красноярска, где жил православный епископ, имени его не помню. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск ко мне. "А почему же ты так остолбенел, увидев меня?" – спросил я его. "Как было мне не остолбенеть?! — ответил он. — Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас помню. Мне снилось, что я в Божием храме, и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я увидел этого архиерея!" Монах сделал мне земной поклон, и за литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в городе Переяславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом. Так неисповедимы пути Господни».

В Енисейске святитель работал в городской больнице, где блестяще выполнял хирургические, гинекологические, глазные и другие операции, а также вел большой прием у себя на квартире. Сам владыка вспоминал: «Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими». Но возрастающая популярность ссыльного епископа сделала невыносимым его пребывание со стороны местных властей, кроме того, благодаря активной проповеднической деятельности святителя православное население Енисейска перестало посещать обновленческие церкви и окормлялось у святителя Луки. В результате из Енисейска уже местные власти переправили ссыльного в еще более глухой край – в Туруханск.

По воспоминаниям святителя, его встретили очень хорошо: «В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа, ожидавшая меня, вдруг опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу же поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы, поздно распознав у себя рак нижней губы, уехал в Красноярск, где ему была сделана операция, уже запоздалая, как оказалось впоследствии. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала сестра из Красноярска – молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекция верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных».

Работая в больнице, владыка, как и раньше, благословлял больных. По воскресеньям и праздничным дням святитель совершал богослужения в церкви, которая находилась на расстоянии чуть меньше километра от больницы, но прихожане решили, что выезд архиерея в храм должен происходить с большим почетом, на покрытых ковром санях. Духовная жизнь с прибытием в Туруханск святителя заметно оживилась. Местная община подчинялась Красноярскому живоцерковному раскольническому архиерею. Владыка Лука своей проповедью о грехе раскола и неканоничности обновленческой церкви привел к покаянию всю туруханскую паству, присоединив ее к законной Православной Церкви, возглавляемой Патриархом-исповедником Тихоном. Все это послужило поводом к дальнейшей высылке святителя.

В зимнюю стужу 1924–1925 годов архиепископа Луку отправили в енисейскую глухомань за сотни километров севернее Полярного круга. Палачи, видимо, рассчитывали на верную гибель ссыльного. Условия, в которых оказался святитель, были очень тяжелые. Это была плохо отапливаемая в лютый мороз изба, с льдинами вместо окон и никогда не тающим снегом на полу, но и здесь святитель был истинным пастырем стада Христова. Вместе с немногочисленными жителями поселения он читал Евангелие, крестил их детей. Но и Плахино не стало постоянным местом ссылки – святителя возвратили в Туруханск,

где он пробыл еще восемь месяцев. Срок ссылки истек в январе 1926 года, и святитель вернулся в Красноярск на санях по замерзшему Енисею. На протяжении этого длинного и трудного пути его неизменно встречали толпы народа, и он совершал богослужения в переполненных храмах, много проповедовал.

С 1927 по 1930 год епископ жил в Ташкенте как частное лицо, так как был лишен и епископской, и университетской кафедры. Он вспоминал: «Занимаясь только приемом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре». При этом владыка не только лечил, но и оказывал материальную помощь неимущим пациентам. Однажды он принял брата и сестру, отец которых умер, а мать попала в больницу. Вскоре девочка стала помогать ему во врачебных приемах. Владыка постоянно посылал ее по городу разыскивать больных бедняков. Другая девочка, которой он помог, вспоминала о беседах с епископом Лукой: «Любой разговор как-то сам собой поворачивался так, что мы стали понимать ценность человека, важность нравственной жизни».

В 1930 году его вновь арестовали. Теперь – по обвинению в выдаче «ложной справки о самоубийстве» профессора Михайловского, который находился в состоянии душевной болезни. Этот документ разрешал отпевание, но он же послужил формальным поводом к аресту святителя. Итог следствия в ОГПУ – «выслать в Северный край сроком на 3 года». Владыка Лука в автобиографии вспоминал истинные причины ареста: «23 апреля 1930 года я был вторично арестован. На допросах я скоро убедился, что от меня хотят добиться отречения от священного сана». Ссылку в Архангельск сам владыка считал весьма легкой, в городе он работал хирургом в большой амбулатории. Ссылка закончилась в ноябре 1933 года. Вернувшись в Ташкент, он не смог найти работы. Место врача в районной больнице ему дали в небольшом среднеазиатском городке Андижан. А через год он вернулся в Ташкент, где в городской больнице заведовал гнойным отделением.

Осенью 1934 года в Медгизе вышло первое издание книги «Очерки гнойной хирургии», ставшей практически пособием для нескольких поколений хирургов. Но не только технической стороне – постановке диагнозов и оперативным методам лечения учит святитель на страницах этой книги – подлинно человеческим отношением к больному, христианским милосердием дышат подобные строки: «Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость и тот интерес, который она может представить, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется "случаем". Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле...». На протяжении всей книги перед читателем проходят яркие образы людей с их страданиями и немощью. В предисловии к пятому изданию «Очерков гнойной хирургии» говорится, что «по своим научным, клиническим и литературным достоинствам книга В.Ф. Войно-Ясенецкого представляется уникальной, не имеющей аналогов в мировой медицинской литературе. Скромно названная автором "очерками", она справедливо может считаться "Энциклопедией гнойной хирургии" или "Энциклопедией пиологии"».

В 1935–1936 годах епископ работал в Ташкенте в Институте неотложной помощи, читал лекции в Институте усовершенствования врачей. Утро владыки начиналось в семь часов с молитвы в храме, где он служил и проповедовал по воскресным и праздничным дням.

В 1937 году святителя Луку обвинили в шпионаже в пользу иностранной разведки. Для сфабрикованного дела необходимы были ложные признания, их выбивали из владыки многомесячными пытками и издевательствами. Сам архиепископ говорил об этом так: «Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины,

в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине извиваются змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой».

Милостью Божией владыка, которому к тому времени было уже 60 лет, с крайне подорванным в предыдущих ссылках здоровьем выдержал и эти мучения. Следствие, как и перед предыдущими двумя ссылками, зашло в тупик, поскольку святитель не признавал ложные обвинения. Но, несмотря на это, епископа осудили и отправили в пятилетнюю ссылку в Красноярский край. Пригнали епископа Луку в село Большая Мурта, расположенное в 130 верстах к северу от Красноярска. Там в районной больнице святитель развил активную хирургическую деятельность, а из Ташкента владыке присылали много историй болезни пациентов с гнойными заболеваниями для нового издания «Очерков гнойной хирургии». Эта книга вместе с монографией «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» стала большим подспорьем в работе фронтовых хирургов в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов.

Великая Отечественная война. Архиерейское служение в Красноярске

С началом войны с фашистской Германией владыка из ссылки пишет телеграмму на имя Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Его незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15–15 в Красноярске. Два года он с полной отдачей сам лечил офицеров и солдат. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами», – вспоминал он. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из эвакуационных госпиталей не наблюдалось подобных блестящих результатов лечения раненых, как у владыки Луки.

До 1943 года владыка был лишен возможности совершать богослужения, так как в Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. И вот в марте 1943 года святителя назначили архиепископом Красноярским. Он писал сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». Признание святителя в светских кругах росло, он вспоминал: «Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают». Конечно же, владыка знал об изменении отношения государства к Церкви в связи с войной и мировым положением страны, но в то же время в одном из писем сыну есть такие строки: «В Красноярске, в "кругах" говорили обо мне: "Пусть служит, это политически необходимо". ...Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...» И в другом

письме: «Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

В Красноярске началась переписка святителя с митрополитом Сергием Страгородским, которая имела немаловажное значение для подготовки Собора епископов Русской Православной Церкви 1943 года для избрания Патриарха всея Руси. Архиепископ Лука принял непосредственное участие в составлении документов Собора. Он был членом Священного Синода.

Тамбовская епархия

Красноярская ссылка закончилась в конце 1943 года. Святителя сразу же назначили архиепископом Тамбовской епархии, где он в течение двух лет одновременно работал хирургом в госпиталях и служил в церкви. В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведен был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу, которой оказалось еще больше, чем в Красноярске. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось 150 госпиталей, от 500 до 1000 коек в каждом. Также он консультировал хирургические отделения большой городской больницы. Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то, что ему было уже под 70. В письме сыну он писал: «Приводим церковь в благолепный вид... Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритях... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

«Моя слава – большое торжество для Церкви...»

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали эти осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил

и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это "вы",

давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле». У областного начальства эти слова вызвали шок. Какое-то время в президиуме и в зале царила тягостная тишина. Кое-как придя в себя, председатель залепетал, что прошлое пора-де забыть, а жить надо настоящим и будущим. И тут снова раздался басовитый голос владыки Луки: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!».

За опубликованные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» владыке присудили Сталинскую премию I степени с денежным вознаграждением. Его он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне. «Множество поздравлений отовсюду, – писал владыка Лука после получения премии. – Патриарх, митрополиты, архиереи, Карпов (Председатель Совета по делам РПЦ), Митярев, Третьяков, Академия медицинских наук, Комитет по делам высшей школы, Богословский институт, профессора и проч., и проч. Превозносят чрезвычайно... Моя слава – большое торжество для Церкви, как телеграфировал Патриарх». Это и было самой большой наградой для владыки Луки – слава матери Церкви, за которую он готов был претерпеть любые мучения и даже смерть. Владыка Лука считал, что его научный труд привлечет к православию многих интеллигентов. Так оно и было. В одной передаче радиостанции Би-Би-Си того времени сообщалось, что группа французских юношей и девушек перешла в православие, сославшись в своей декларации на христианских ученых в СССР – Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого). «Сегодня подтвердилось мое мнение, что я немалый козырь для нашего правительства, – писал владыка Лука сыну. – Приехал специально посланный корреспондент ТАСС, чтобы сделать с меня портреты для заграничной печати. А раньше из Патриархии просили прислать биографию для журнала Патриархии и для Информбюро. Два здешних художника пишут мои портреты. Только что вернувшийся из Америки Ярославский архиепископ уже читал там в газетах сообщения обо мне как об архиепископе – лауреате Сталинской премии... Завтра приедет из Москвы скульптор лепить мой бюст...».

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награжден Патриархом Алексием (Симанским) правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда. В эти же годы (1945–1947) святитель пишет богословский труд «Дух, душа и тело», который считал главным трудом своей жизни (эта книга была издана только в 1992 году). «Дух, душа и тело» является трудом апологетическим, направленным к материалистически настроенной интеллигенции. Поэтому взаимоотношения духа, души и тела святитель рассматривал с точки зрения науки: физики и медицины; подводил под свои выкладки философское обоснование, а выводы его зиждутся на основательной базе Священного Писания. Вместе с читателем святитель Лука проходит путь от знания к вере – в отличие от того, как воспринимает мир верующий человек, идя от веры к знаниям. Для самого святителя Луки, крупного ученого и богослова, не было разрыва веры и разума, науки и религии, и Божий мир воспринимался им как целое. Отсюда и его потребность как талантливого ученого и человека, наделенного благодатью веры, дать свое целостное видение мира и человека для следующих поколений.

В настоящее время в Тамбове открыт музей истории медицины, в основе экспозиции которого представлены фотографии святителя Луки, его документы, личные вещи, хирургические инструменты, прижизненные издания научных работ, тексты проповедей. Тамбовская городская больница носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В 1993 году больницу освятил Святейший Патриарх Алексий II. На территории больницы установлен памятник профессору медицины архиепископу Луке.

Крымская епархия

В связи с назначением на Симферопольскую и Крымскую кафедру 26 мая 1946 года владыка переехал в Симферополь. Сам святитель вспоминал: «В мае 1946 года я был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с цветами, но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете. Это было 26 мая 1946 года».

В Симферополе, в отличие от других городов, святителю Луке не дали возможности заниматься лечением больных и научной деятельностью, хотя он и продолжал принимать безвозмездно больных на дому. Несколько раз владыка выступал с чтением лекций и докладов по вопросам гнойной хирургии в разных местах Крыма, но рост его популярности беспокоил партийные органы. На докладах святителя атеистически настроенные профессора требовали, чтобы владыка выступал в гражданской одежде. Узнав это, святитель Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии».

В результате сложившейся ситуации святитель Лука решил оставить активную медицинскую деятельность и направить все силы на управление епархией, которая после войны была в полном упадке. Несмотря на преклонный возраст и подорванное десятилетиями ссылкой и тюрем здоровьем (в частности, частичную потерю зрения), святитель часто сам ездил по приходам для ознакомления с приходской общиной и состоянием храмов.

Так, например, в 1947 году владыка объехал 50 приходов епархии из 58, повсюду служил и проповедовал. В отчете за этот год святитель писал о том, что Крымская епархия одна из самых бедных: бытовые условия многих священников плачевны и нетерпимы, их доходы менее чем нищенские. У священника ялтинской церкви сумма доходов едва покрывала скромный постный стол, а на одежду и обувь ничего не оставалось. Многие священники вследствие такого положения вынуждены были наниматься на тяжелые черные работы. Жилищные условия духовенства также были довольно тяжелыми. Среди церковных старост было много воров, расхищавших церковные доходы. По отзывам крымских старожилов, религиозность русского населения Крыма всегда была низкая, и церкви поддерживались главным образом греками и болгарями, которые во время войны были выселены из Крыма. Верующих отвлекали от Церкви запрещением учителям и школьникам ходить в храм. Над школьниками, посещавшими церкви, издевались, на родительских собраниях всячески высмеивались верующие. Плохо обстояли дела с церквями Крымской епархии. Уполномоченные по делам религии писали о том, что многие церкви в Крыму давно бы перестали существовать, если бы архиепископ Лука не поддерживал их материально, не переводил бы священников в пустующие храмы. Но положение с кадрами в епархии было катастрофическое, священников не хватало. Священников же из других епархий в Крыму не прописывали, и они вынуждены были уезжать, духовных школ в епархии не было, и богословский уровень подготовки священнослужителей оставлял желать лучшего.

С помощью указов святитель старался повысить духовный уровень священнослужителей, давая распоряжение служить ежедневно даже в сельских храмах. «Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать в нем Божественную литургию читаются в нем часы и служитя обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них», — писал святитель духовенству епархии.

В годы управления Крымской епархией Высокопреосвященнейший Лука произнес большую часть своих проповедей. Он начал проповедовать еще в Ташкенте, но по причине ареста и ссылки многие годы вынужден был молчать. Однако с весны 1943 года, когда в Красноярске открылся храм, и до конца жизни архиепископ Лука проповедовал неустанно: писал проповеди, произносил их, правил, рассылал листки с текстом по городам страны. «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о

Христе», – говорил он. По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога».

Проповеди святителя составляют 12 томов. В 1957 году в Московской Духовной Академии была создана специальная комиссия под председательством профессора гомилетики протоиерея Александра Ветелева для изучения проповедей святителя Луки. В заключении комиссии было сказано, что проповеди архиепископа Луки, его труд «Дух, душа и тело» представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе, а святитель был удостоен звания почетного члена Московской Духовной Академии. Сам святитель писал, что проповедями будут пользоваться только в библиотеке Академии, они не увидят свет до изменения отношения правительства к Церкви. В наши дни, к великой радости верующих, труды святителя стали доступны широкому кругу читателей.

В 1958 году владыка Лука полностью ослеп. Несмотря на это, до конца жизни он продолжал архиерейскую службу, выступал с проповедями перед прихожанами и настолько точно исполнял все детали службы, что никто не мог догадаться о слепоте пастыря.

Блаженная кончина святителя Божия

11 июня 1961 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука скончался. Прощаться с великим архиереем вышел весь город: люди заполнили крыши, балконы, сидели даже на деревьях. Огромная процессия в течение нескольких часов провожала своего пастыря под пение «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» через весь город. Его похоронили на маленьком церковном кладбище при Всехсвятском храме Симферополя, куда позднее ежедневно приезжали и приходили родственники и православные странники, больные, ищущие исцеления, – и каждый получал искомое. Архипастырь и после смерти своей Святым Духом продолжал исцелять людей, о чем собраны многочисленные устные и письменные свидетельства.

Почти 35 лет мощи святого покоились в земле.

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен Православной Церковью к лику местночтимых святых Крыма. Его мощи были перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор Симферополя 17–20 марта 1996 года. На панихиде Высокопреосвященнейший владыка Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский, отметил: «Впервые на Крымской земле происходит событие исключительной важности. Яркая личность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) видится нам сегодня спасительным маяком, к которому каждый из нас должен направлять свой взор, по которому должны ориентироваться общественные силы, ищущие возрождения нашего народа».

В крестном ходе от могилы до кафедрального собора участвовало около 40 тысяч человек. В Симферопольской и Крымской епархии торжество прославления святителя Крымского Луки состоялось 24–25 мая 1996 года.

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память ему установлена 11 июня, а также 25 января (7

февраля) – вместе со святыми новомучениками и исповедниками Российскими и 15 (28 декабря) – собор всех Крымских святых.

В Симферополе, в парке, который носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), установлен памятник святому. В архиерейском доме, где жил и трудился святитель Лука с 1946 по 1961 год, находится часовня. Верующие греки в благодарность за исцеление от болезней по молитвам святого пожертвовали на изготовление раки для мощей святителя 300 килограммов серебра.

Подвиг святителя Луки – подвиг ревностного стояния в православной вере в смутную эпоху явных и тайных перерождений – ныне особенно актуален. И многие из нас сегодня с надеждой и любовью произнесут: «Святителю отче Луко, моли Бога о нас!».

Саратовская епархия

В Саратовской области почитание святителя Луки (Войно-Ясенецкого) возрастает с каждым годом. Так, на здании романовской больницы, где работал святитель Лука в 1909 году, размещена мемориальная доска. В поселке Шиханы Вольского района больничный храм освящен во имя святителя Луки.

По инициативе и при участии руководства Саратовского государственного медицинского университета, медицинского персонала 3-й городской клинической больницы города Саратова в 2007 году было начато строительство храма во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Первый символический камень в основание храма после совершения молебна заложили Епископ Саратовский и Вольский Лонгин, ректор СГМУ П.В. Глыбочко и главный врач больницы В.В. Рощепкин. Строительство храма шло быстрыми темпами, и уже 10 июня 2009 года, в день празднования 100-летия открытия университета, накануне дня памяти святителя Луки, было совершено освящение храма и первая литургия в нем.

Тропарь, глас 1

Возвестителю пути спасительного,/ исповедниче и архипастырю Крымския земли,/ истинный хранителю отеческих преданий,/ столпе непоколебимый, Православия наставниче,/ врачу богомудрый, святителю Луко,/ Христа Спаса непрестанно моли/ веру непоколебиму православным даровати// и спасение, и велию милость.

Кондак, глас 1

Якоже звезда всесветлая, добродетельми сияющи,/ был еси, святителю,/ душу же равноангельну сотвори,/ сего ради святительства саном почется,/ во изгнании же от безбожных много пострада,/ и непоколебим верою пребыв,/ врачебною мудростию многия исцелил еси./ Темже ныне честное тело твое от земных недр обретенное дивно Господь прослави,/ да вси вернии вопием ти:/ радуйся, отче святителю Луко,// земли Крымския похвало и утверждение.

Молитва

О, всеблаженный исповедниче, святителю отче наш Луко, великий угодниче Христов. Со умилением приклоньше колена сердец наших, и припадая к раце честных и многоцелебных мощей твоих, якоже чада отца молим тя всеусердно: услыши нас грешных и принеси молитву нашу к Милостивому и Человеколюбивому Богу, Емуже ты ныне в радости святых и с лики ангел предстоиши. Веруем бо, яко ты любиши ны тою же любовью, еюже вся ближняя возлюбил еси, пребывая на земли. Испроси у Христа Бога нашего, да утвердит чад Своих в духе правыя веры и благочестия: пастырям да даст святую ревность и попечение о спасении вверенных им людей: право верующия соблюдать, слабые и немощныя в вере укрепляти, неведущия наставляти, противныя обличати. Всем нам подай

дар коемуждо благопотребен, и вся яже к жизни временней и к вечному спасению полезная. Градов наших утверждение, земли плодоносие, от глада и пагубы избавление. Скорбящим утешение, недугующим исцеление, заблуждшим на путь истины возвращение, родителем благословение, чадам в страхе Господнем воспитание и научение, сирым и убогим помощь и заступление. Подаждь нам всем твое архипастырское благословение, да таковое молитвенное ходатайство имущи, избавимся от козней лукаваго и избегнем всякия вражды и нестроений, ересей и расколов. Настави нас на путь, ведущий в селения праведных, и моли о нас всесильного Бога, да в вечней жизни сподобимся с тобою непрестанно славить Единосущную и Нераздельную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Благодарные князья Феодор Ростиславич Черный, Смоленский, Ярославский и чада его Давид и Константин, Ярославские чудотворцы

Перенесение мощей святого благоверного князя Феодора Смоленского и Ярославского, и чад его Давида и Константина, в соборную церковь Спасо-Ярославского монастыря. Память святых - 19 сентября. Мощи обреты в 1463.

Святой благоверный князь Феодор Смоленский и Ярославский, по прозванию Черный, родился в грозную для Руси годину монгольского нашествия, около 1237–1239 года, и был в Крещении наречен во имя святого великомученика Феодора Стратилата, особо почитаемого русскими князьями-воинами. Воинскими подвигами суждено было Богом прославиться в Русской земле и святому князю Феодору. В 1239 году, когда молитвами Пресвятой Богородицы святой воин-мученик Меркурий (память 24 ноября) избавил Смоленск от Батыева пленения, отрока Феодора в городе не было: его увезли и укрыли на время войны в безопасном месте. В следующем, 1240 году умер его отец, князь Ростислав, правнук благоверного князя Ростислава, Смоленского и Киевского († 1168; память 14 марта).

Старшие братья, наследники, поделили между собой земли отца своего, выделив младшему – отроку Феодору маленький Можайск. Здесь прошло его детство, здесь учился он Священному Писанию, церковной службе и воинскому искусству.

В 1260 году святой князь Феодор женился на Марии Васильевне, дочери святого благоверного князя Василия Ярославского († 1249; память 3 июля), и стал князем Ярославским. У них родился сын Михаил, но вскоре святой Феодор овдовел. Он много времени проводил в ратных трудах и походах, сына его воспитывала теща, княгиня Ксения.

В 1277 году соединенные дружины русских князей, среди которых был святой Феодор, в союзе с татарскими войсками, участвовали в походе в Осетинскую землю и во взятии "славного града их Тетякова". Союзные войска одержали в этой войне полную победу. Дело в том, что со времен святого Александра Невского († 1263; память 23 ноября) ханы Золотой Орды, видя несломленную духовную и

военную мощь православной Руси, были вынуждены изменить свое отношение к ней, стали привлекать русских князей к союзу, обращаться к ним за военной помощью. Русская Церковь промыслительно использовала это сближение для христианского просвещения инородцев. Уже в 1261 году стараниями святого Александра Невского и митрополита Кирилла III в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена епархия Русской Православной Церкви. В 1276 году Константинопольский Собор под председательством патриарха Иоанна Векка (1275–1282) отвечал на вопросы русского Сарайского епископа Феоноста о порядке Крещения татар и принятии в православие бывших среди них монофизитов и несториан. В эти годы и оказался в Орде святой князь Феодор. Отличившийся ратными подвигами в осетинском походе, он вызвал к себе особенное расположение хана Менгу-Темира, почтительно относившегося к Православной Церкви, выдавшего первый ханский ярлык о церковной неприкосновенности митрополиту Кириллу. В летописи сказано: "А князя Феодора Ростиславича царь Менгу-Темир и царица его вельми любяше и на Русь его не хотяше пустити мужества ради и красоты лица его". Три года пробыл святой Феодор в Орде. Наконец, "царь отпустил его с великой честью", и князь прибыл в Ярославль. К этому времени супруга его, Мария, уже умерла, в городе правила княгиня Ксения с внуком Михаилом. Ярославцы не приняли вернувшегося из Орды князя: "не прияша его во град, но рекоша ему: „Сей град княгини Ксении и есть у нас князь Михаиле".

Святой Феодор должен был вернуться в Орду. Царица, жена хана Менгу-Темира, "его любяше зело и хотяше за него дочь свою дати". Такой брак имел бы для Руси большое значение. Хан долго не соглашался на него, считая русских князей своими "улусниками" (т. е. вассалами, подданными). Выдать дочь за русского князя значило признать за ним равное достоинство. И еще важнее: это значило для хана признать превосходство православия, потому что прежде венчания нужно было, чтобы татарская царевна приняла Святое Крещение. Хан пошел на это, слишком важен для него был союз с Русью: "и царевну повелел за князя Феодора дати, и повелел ее прежде крестить, а православной веры не повелел осквернить". Так женился святой Феодор на дочери могущественного хана, нареченной в Крещении Анной. "Царь же его весьма чтит и повелел ему садиться напротив себя, построил ему дворец, дал князи и бояре на послужение".

Там, в Орде, и родились у святого Феодора Черного его сыновья – святой благоверный князь Давид († 1321) и святой благоверный князь Константин. Огромное влияние, которое святой Федор приобрел в Орде, он использовал во славу Русской земли и Русской Церкви. Православие все более укреплялось среди татар, ордынцы усваивали русские обычаи, нравы и благочестие. Русские купцы, зодчие, мастера несли русскую культуру на берега Дона, Волги, Урала и дальше до самой Монголии. До сих пор археологи находят православные иконы, кресты, лампы по всей территории прежней Золотой Орды, вошедшей в состав России. Так начиналось великое миссионерское движение Русской Церкви на Восток, просвещение светом евангельской истины всех племен до Великого океана. Русские православные князья и их дружинники, участвуя, как союзники, в монгольских походах, узнавали и осваивали бескрайние просторы Азии, Сибири и Дальнего Востока. В 1330 году, всего через тридцать лет после смерти святого Феодора Черного, китайская летопись напишет о русских дружинах в Пекине.

Святой Феодор жил в Сарае до 1290 года, когда "пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его сын первый, князь Михаил, преставился". Дав князю богатые дары и большую дружину, хан отпустил его на Русь. Вновь став князем в Ярославле, святой Феодор начал ревностно заботиться об усилении и благоустройстве своего города и княжества. Особенную любовь проявлял он к обители Преображения Господня. Слава его гремела по всей Руси, все князья искали с ним дружбы и союза. Но он больше всех любил сына святого Александра Невского, Андрея Александровича, поддерживал его во всех начинаниях, когда тот был великим князем Владимирским, ходил с ним в походы, делил радость побед и горечь поражений. В 1296 году едва не разразилась кровопролитная

братоубийственная война между двумя группами князей: на одной стороне были святой Феодор и великий князь Андрей, на другой – святой Михаил Тверской († 1318; память 22 ноября) и святой Даниил Московский († 1303; память 4 марта). Но кровопролитие Божией помощью удалось предотвратить. На Владимирском съезде князей (1296 г.) епископ Владимирский Симеон и епископ Сарайский Измаил сумели внести мир в обе стороны. Сам факт участия в съезде святого князя Феодора и Сарайского владыки Измаила говорит о том, что первый употребил все свои дипломатические дарования и влияние в Орде, чтобы способствовать установлению мира в Русской земле.

Не порывались связи святого Феодора Черного и с его отчиной – Смоленском, хотя княжить ему там было непросто. Так, в 1297 году святой Феодор ходил походом к Смоленску восстановить свои законные права на Смоленское княжение, захваченное его племянником. Но взять город и стать снова Смоленским князем ему в этот раз не довелось.

Вскоре после того похода святой князь-воин занемог. 18 сентября 1299 года угодник Божий повелел перенести его в Спасо-Преображенский монастырь и принял монашеское пострижение.

Во время самого окончания обряда святой Феодор попросил прервать священнодействие. По благословению игумена, во исполнение воли умирающего, князя вынесли на монастырский двор, куда сошлось уже множество ярославцев. "И исповедался князь пред всем народом, если согрешил пред кем или нелюбие держал на кого. И кто пред ним согрешил и враждовал на него – всех благословил и простил и во всем вину на себя принял пред Богом и людьми". Лишь после этого решился смиренный воин завершить свой необычный и многотрудный жизненный путь принятием Ангельского образа.

Всю ночь игумен и братия молились над святым князем. В два часа ночи начали звонить к утрени. Напутствованный Святыми Тайнами Христовыми, святой Феодор безмолвно лежал на своем иноческом ложе. Когда же иноки начали третью "Славу" Псалтири, он осенил себя крестным знамением и предал душу Господу. Вид его в гробу был необычен: "Чудно бе зрети блаженнаго, на одре лежаща не яко умерша, но яко жива суща. Светилось лице его, солнечным лучам подобно, честными сединами украшено, показуя душевную его чистоту и незлобивое сердце".

После него в Ярославле правил его сын – святой Давид († 1321). Второй из его младших сыновей, святой Константин, видимо, почил ранее. Церковное почитание святого князя Феодора в Ярославской земле началось вскоре после его смерти. В 1322–1327 годах по благословению и заказу епископа Ростовского Прохора в память почитаемого владыкой святого Феодора было написано и украшено миниатюрами знаменитое Феодоровское Евангелие. Епископ Прохор был прежде игуменом Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Вероятно, он лично знал святого князя, мог быть очевидцем его пострижения и всенародного покаяния. Историки думают, что лучшие миниатюры, вшитые в эту драгоценную рукопись, принадлежали более раннему Евангелию, владельцем которого был сам святой Феодор Черный и которое он привез с собой в Ярославль как благословение из родного Смоленска.

5 марта 1463 года были обретены в Ярославле мощи святого князя Феодора и чад его, Давида и Константина. Летописец, очевидец события, записал под этим годом: "Во граде Ярославле в монастыре Святого Спаса лежали три князя великие, князь Феодор Ростиславич, да дети его Давид и Константин, поверх земли лежали. Сам же великий князь Феодор велик был ростом человек, те у него, сыновья Давид и Константин, под пазухами лежали, зане меньше его ростом были. Лежали же во едином гробе". Эта черта физического облика святого князя так запечатлелась в восприятии очевидцев и современников обретения его мощей, что запись об этом вошла в проложные жития князя Феодора и в иконописные подлинники.

Житие святого князя Феодора Черного было написано вскоре по обретении мощей иеромонахом Ярославского Спасского монастыря Антонием по благословению митрополита Московского и всея Руси Филиппа I. Другая редакция жития была написана

Андреем Юрьевым в Кирилло-Белозерском монастыре. Третье, наиболее подробное житие святого Феодора вошло в "Книгу степенную царского родословия", составленную при царе Иоанне Грозном и митрополите Макарии. Русский народ сложил о святом князе Феодоре духовные песни, которые на протяжении столетий распевали "калики перехожие". В них прославляются благочестие и правосудие, милосердие и благотворительность святого, его забота о строительстве и украшении храмов (см.: Митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд). Князь Федор Черный. – "Богословские труды", сб. XI, М., 1973, с. 55–77). Сложность исторических судеб, суровость эпохи, бесчисленное множество врагов – не личных, но врагов России и Церкви, – только ярче подчеркивают для нас величие подвига святых созидателей России.

Тропарь, глас 4

Измлада явистеся святии,/ Богомудре Феодоре и блаженне Давиде с Константином славным,/ Божественный сосуди, избранный Богови./ Ныне же источаете нам многа исцеления от честных мощей ваших,/ вся ереси потопляюще,/ и спасающе присно град свой,/ и всех верных сохраняюще невреждо/ от видимых и невидимых враг./ Темже верою молим вас, святии:/ молитв Христа Бога/ в мире сохранитися нам и спасти души наша.

Ин тропарь, глас 4

Иже от юности Христовы любве/ прилепившеся усердно, святии/ законы и оправдания Того сохраняюще,/ отнюдуже и чудесными дарованиями обогатистеся,/ исцеления источаете иже верою вас почитающих,/ темже молитв Христа Бога/ спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Богомудренно преселистеся, святии,/ во град, присно добродетельми цветущий,/ в жизни сей приносяще Богови плоды благи,/ преподобне Феодоре и блаженне Давиде с Константином славным,/ и явистеся, яко многоцветущая райская древеся жизни/ и яко многосветлыя звезды, в мире сияюще благодатию,/ в добродетели исправивше жизнь свою,/ и сего ради получите живот вечный на Небесех./ Темже благодарственно вам зовем:/ радуйтеся, всемирнии светильницы и граду нашему Ярославлю великое утверждение.

Преподобномученик Адриан Пошехонский (+ 1550)

Память его празднуется 5 марта в день мученической гибели, 23 мая вместе с Собором Ростово-Ярославских святых и 19 нояб. в день обретения мощей

Это происходило в 1540 г.; в Корнилиево-Комельском монастыре подвизались два инока, связанные узами духовной дружбы, — Адриан и Леонид. Раз в церкви Адриан обратил благоговейное внимание на незнакомого ему величественного старца благолепной наружности, и он спросил его имя. «Я — Бестуж», — ответил старец. Старец Адриан пригласил его в свою келью, и во время духовной беседы старец Бестуж открыл ему, что ему, Адриану, суждено Богом основать монастырь и что он знает пустынное место, подходящее для безмолвной молитвы. По уставу прп. Корнилия (память его 19 мая) игумен не должен был удерживать в монастыре иноков, желавших посвятить себя уединенной жизни. Прощание происходило у могилы прп. Корнилия. Игумен благословил старца Адриана и ученика и друга его, старца Леонида, иконой Успение Божией Матери, и они отправились в путь. В

дремучем лесу, в 5 верстах от теперешнего города Пошехонья, старец Бестуж чудесно скрылся из очей своих спутников, пораженных благоговейным изумлением, а лес в то же время огласился таинственным звоном невидимых колоколов.

Тогда старцы поместили святую икону на высоком дубе на берегу ручья, а сами пошли искать место, подходящее для отшельнической жизни. В это время к берегу причалили рыбаки и удивились, увидев святую икону. Один из них хотел ее снять, но был отброшен чудесной силой. Придя в себя, он сказал, что видел старца, запретившего ему трогать святую икону. Тогда рыбаки решили удалиться с этого места, но оставили под деревом хлеб и пойманную рыбу. А старцы, вернувшись, возблагодарили Бога и его Пречистую Матерь за попечение о них. Они поняли, что это и есть указанное им место. Они поставили здесь хижину и стали подвизаться, а потом основали монастырь в честь Успения Божией Матери, первый в этом краю. Все местные жители радовались этому, а в особенности женщины, хотя им доступ в монастырь и был возбранен. Но были у монастыря и недруги.

Уже после кончины старца Леонида (5 марта 1550) на монастырь напали разбойники — крестьяне соседнего села Белого, — ограбили его, а настоятеля — св. Адриана после жестоких пыток убили, раздавив полозьями саней. Но избежать возмездия им не удалось. Один из них украл ларец, думая, что в нем находится золото, но вместо него нашел странные и непонятные ему вещи: кисти, краски и другие принадлежности иконного письма. Он показал все это священнику села Белого, который, по дьявольскому действию, питал великую злобу и зависть к св. Адриану: по его наущению и было совершено преступление. Священник страшно испугался, поняв, что ларец — опасная для них улика. Но разговор их случайно услышал второй священник села, много страдавший от дурного влияния своего настоятеля на прихожан. Таким образом, преступление было открыто и виновные понесли заслуженную кару. Но тело преподобномученика найдено не было: на допросе убийцы показали, что они хотели его сжечь, но оно неведомо куда исчезло. Так прошло много лет. В окрестностях монастыря находилась давно исчезнувшая церковь. Там росла рябина, которой местные жители воздавали суеверные почитания: туда собирался народ, и через сучья рябины проводили больных, и, действительно, больные исцелялись. Чтобы уничтожить это суеверие, дьячок Иван Прохорьев восстановил там церковь во имя св. пророка Илии, а потом устроил там монастырь. В 1626 г. скончался инок этого монастыря, происходивший из села Белого; перед смертью он открыл настоятелю игумену Лаврентию хранившуюся в их семье тайну: под рябиной, считавшейся чудотворной, были погребены мощи св. Адриана, спасенные от разбойников дедом этого монаха. От страха властей и допросов он это скрыл и похоронил их тайно, а для памяти посадил там рябину, и исцеления, происходившие на этом месте, истекали от святых мощей. Игумен доложил

об этом Патриарху, и по его повелению стали искать святые мощи. Игумен Лаврентий наугад указал послам, где копать, и немедленно святые мощи преподобномученика Адриана были обреты нетленными. От них истекали многие чудеса.

- По уставу прп. Корнилия иноки, желающие пустынножительствовать, беспрепятственно могли покинуть монастырь.

- Прмч. Адриан, бывший тогда иеродиаконом, под водительством таинственного старца Бестужа пришел в Пошехонье и в диком дремучем лесу между селениями Белым, Патробольским, Шелынедомским и Ухорским основал обитель с храмом во имя Успения Богородицы в 1540 г. Поставленный на священство и игуменство прмч. Адриан становится настоятелем этой обители. Ныне это место — в 5 верстах от г. Пошехонья, преобразованного из села в 1777 г. (совр. центр Пошехонского р-на Ярославской обл.).

- На месте тайного захоронения убиенного прмч. Адриана основана Троицкая Рябинина пустынь, из которой мощи были перенесены в Успенский монастырь 26 авг. 1625 г.

Монахиня Таисия. Русские Святые

Память святого мученика Конона, по прозвищу Огородника

Святой Конон жил в царствование Декия и был родом из Назарета Галилейского. Отсюда он переселился в Памфилию, в город Мандон (или Магидо), и здесь на месте, называемом Кармена, устроил для себя огород, плодами коего и питался. Он был человек добрый, незлобивый и простосердечный. Хотя он и не был обучен грамоте, но проводил богоугодную жизнь. Когда услышал о нем игемон Публий, пришедший в город для преследования христиан, тотчас послал воинов взять его. Посланные пришли к Конону и, в насмешку, приветствовали его добрыми словами. Конон с радостью отвечал на их приветствие и любезно принял их. Тогда воины сказали ему:

- Тебя зовет игемон Публий.

Святой отвечал:

- Какое может быть у него дело до меня? Ведь,

я - христианин. Пусть лучше зовёт он к себе своих единомышленников.

Воины связали святого Конона и привели к игемону. Когда его стали принуждать, чтобы он принёс жертву идолам, он, сокрушаясь в глубине сердца об ослеплении и заблуждении неверующих и укоряя игемона в нечестии, остался непоколебим в исповедании веры во Христа. Тогда в ноги его набили железных гвоздей и гнали пред колесницею игемона до тех пор, пока святой страдалец пал от изнеможения на колени, и с молитвой на устах предал душу свою Господу.

Память преподобного Исихия Постника

Великий угодник Божий Исихий с самых малых лет был наставлен и воспитан в добродетели. Отрекшись от пристрастия ко всем земным благам, он непрестанно помышлял

о вечных благах горнего Сиона. Ради этого он оставил свой родной город Адрапу и удалился в пустыню близ Адрании¹.

Для того, чтобы подвизаться в уединении, святой восхотел поселиться на горе, называемой Майонис; но бесы, обитавшие здесь, предвидя свое изгнание с горы святым и не желая допустить святого на гору сию, вошли в некоторых двух человек, Иоанна и Илариона и, встретив угодника Божия, спросили его:

- Куда ты идешь?

Узнав о намерении его, они сказали ему:

- Разве ты не знаешь, что это место весьма опасное? ты идешь на верную смерть, потому что здесь обитает множество плотоядных зверей; кроме того, здесь же живут и разбойники, так что ты и одного дня эдесь не проживешь.

Святой, уразумев духом, что это были слова не людей, а бесов, сказал:

- По множеству грехов моих, я давно достоин смерти; потому и пойду, чтобы умереть или от зверей, или от разбойников.

Сказав это, святой сотворил молитву и, отогнав силою креста нечистых бесов, продолжал путь свой. Возшед на гору, святой выбрал себе место, выстроил келлию и начал подвизаться в постнических трудах; устроил также святой здесь и сад и, возделывая его и сея семена, питался от труда рук своих.

Случилось раз, что налетело на сад святого множество птиц, которые поедали злаки и семена и уничтожали труды святого. Тогда святой обратился с молитвою к Богу, и тотчас птицы, вкусившие от трудов его, падали на землю и, не будучи в состоянии летать, лежали, распростёрши крылья, на земле; все те птицы, которые касались семян, не могли уже подняться на воздух, но как бы поражённые некою отравой, валялись на земле; и место это наполнилось множеством птиц, лежавших на земле.

Спустя некоторое время святой, сжалившись над птицами, войдя из келлии, сказал им:

- Удалитесь отсюда, и не съедайте более трудов иноческих.

Как только святой изрек слова сии, тотчас же все, бывшие на земле, птицы, полетели кверху и с тех пор уже более никогда не приближались к саду святого.

Нашед в некоей долине источник воды, преподобной выстроил здесь небольшую церковь во имя святого Апостола Андрея, где и пребывал в богомыслии с учениками своими.

Однажды к святому привели бесноватую отроковицу, родители которой, падши к ногам святого, умоляли его, чтобы он изгнал духа нечистого из дочери их. Преподобной, помолившись Богу, тотчас изгнал беса из отроковицы, а родителям её сказать:

- Так говорит Дух Святой: на месте сем по смерти моей будет монастырь святых жён постниц, молитвы коих отгонят отсюда все полки бесовские.

Это пророчество святого сбылось в свое время.

Однажды, войдя из келлии, преподобной увидел некоего человека с тяжело нагруженным возом. Воз везли вола, и один из них споткнулся, пал на землю и не мог подняться на ноги. Человек тот старался поднять его, но не мог; упавший вол оставался недвижимым, как большой камень; изнемогши от труда, человек тот начал плакать.

Увидев это, преподобной сжалился над ним и, подойдя к волу, погладил его по шее и сказал бессловесному, как бы понимающему слова:

- Встань, ленивый, и продолжай путь свой, чтобы не сделаться тебе орудием злобы вражьей.

Сказав это, святой осенил вола крестным знамением. И тот час вол поднялся и спокойно потащил тяжёлый воз. Человек тот весьма удивился происшедшему и, поклонившись святому, поблагодарил его и с радостью продолжал путь свой.

Святой день ото дня устремлялся к большим подвигам и восходил к более совершенным добродетелям, так что сподобился быть собеседником Ангелов. От Ангела Божия он узнал и о своем преставлении, за тридцать дней до смерти. Готовясь к исходу, святой исполнился великой радости.

Пред кончиной своей святой призвал к себе живших с ним учеников и много поучал их. В полночь внезапно облистал с неба свет, осиявший не только келлию святого, но и всё то место; преподобной же, с радостью сказавши: "в руки твои предаю дух мой", отошел в небесные селения².

Святое и честное тело его погребено в вышеупомянутой церкви в честь святого Апостола Андрея, в каменной раке, пред святыми вратами.

Впоследствии честные мощи святого были перенесены Феофилактом, епископом Амасийским, в город Амасию³ и положены по правую сторону алтаря. в 792 году, в царствование Константина и Ирины⁴. А на том пустынном месте, где подвизался преподобной, был построен женский монастырь, как предсказано было святым.

1 *Адрапа* (или Антрапа) город в одинаковом расстоянии от Анкиры Галатийской и Амафии, иначе Клавдиополь. Адрания - приморский город (по-турецки Едренос) в Вифинии.

2 Кончина святого последовала около 790 г.

3 *Амасия* находится в северной части Малой Азии, на берегу Черного моря.

4 Константин VI Порфирородной, император Византийский, царствовал с 780 по 797 г., а Ирина с 797 по 803 г.

Память преподобного Марка Постника

Сей святой подвижник превзошел всех иноков постническою жизнью своею. Предавшись вместе с тем изучению Божественных Писаний, он достиг совершенства в добродетели, как свидетельствуют о том написанные им поучения¹, и совершил много чудес. Душевная чистота преподобного была так велика, что монастырский пресвитер, как сам с клятвою свидетельствовал, никогда не преподавал ему Божественных Таин своею рукою, но всякий раз, когда он приступал к святому Причащению, то принимал святые дары от Ангела, который держал лжицу и сам причащал его. Слуга преподобного говорил, что никогда не видел, чтобы он плюнул когда-либо на землю, такова была его кротость. Преподобной пребывал в иноческом звании сорок лет и нёс подвиг поста в течение шестидесяти лет². Ста лет от роду он отошел ко Господу³.

1 Преподобной Марк изучил слово Божие так совершенно, что знал все Священное Писание наизусть, был слушателем св. Иоанна Златоустого и написал много поучительных слов. Слова эти изданы в русском переводе в 1868 году.

2 Полагают, что преп. Марий принял иночество, будучи 40 лет от роду и 60 лет подвизался в иноческой жизни. Местом подвигов его была Нитрийская гора, расположенная в нижнем Египте в 70 верстах к югу от Александрии и на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни.

3 Преподобной скончался около половины V века.

Память святого мученика Евлогия

Святой мученик Евлогий был родом из Палестины. Родители его были люди неверующие. По смерти их, святой роздал нищим доставшиеся ему в наследство богатства, а сам, обнищав ради Христа, стал обходить, как странник, страну Палестинскую, поучая неверных

и обращая их ко Христу. Будучи оклеветан пред правителем той страны, святой претерпел многие мучения, так как не соглашался принести жертвы идолам. Наконец ему усечена была глава.

Память святого мученика Онисия, жившего и пострадавшего в одно время с мучеником Кононом Исаврийским.

Память святого мученика Евлампия, мечом усеченного.

Память святой мученицы Ираиды, время и место кончины неизвестны.